

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ II.

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА, 19 НОЯБРЯ (1 ДЕКАБРЯ) 1882 ГОДА.

№ 656.

Отдѣльные №№ „Южнаго Края“ продаются по 6 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ.	СЪ ДОСТАВКОЙ.	СЪ ПЕРС. ИНОГР.
На 12 мѣсяцевъ	10 руб. 50 коп.	12 руб. — коп.	12 руб. 50 коп.
„ 6 „	6 „ 50 „	7 „ — „	7 „ 50 „
„ 3 „	3 „ 50 „	4 „ — „	4 „ 50 „
„ 1 „	1 „ 20 „	1 „ 40 „	1 „ 60 „

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Главная Контора газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковского университета № 7-й, при „Публичной Библіотекѣ“ А. А. Изефовича, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 8-ми час. утра до 7-ми час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11-ти до 4-хъ часовъ дня.

Кромѣ того, подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, № 27; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскѣ, въ домѣ Солодовникова и въ конторѣ подписки и объявленій Н. Печковской; въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22; въ Кіевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Б. И. Бѣлаго и Е. П. Распопова и въ Почтамтѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Болло-Розенца. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ у Navas, Lafite et Co, Place de la Bourne.

Редація газеты помѣщается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й; для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ дня.—Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть непременно съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условій, признаются безплатными. Статьи, признаваемыя удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобныя для печати, уничтожаются.

Продолжается подписка на „Южный Край“ 1882 г.

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ.	СЪ ДОСТАВКОЙ.	СЪ ПЕРС. ИНОГР.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 2 мѣсяца	2 р. 40 к.	2 р. 80 к.	3 р. 20 к.
„ 1 „	1 р. 20 к.	1 р. 40 к.	1 р. 60 к.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну третью прежняго размѣра.

„A LA VILLE DE PARIS“

Честъ имѣю довести до свѣдѣній харьковской и иногородной почтеннѣйшей публики, что съ 18-го ноября 1882 г., открыта въ Горнянскомъ переулкѣ, въ домѣ Гауера, № 4 и 5, рядомъ съ магазиномъ Токаревой (бывш. Заблудной).

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА, ПОДЪ ФИРМОЮ

„A LA VILLE DE PARIS“

ГОТОВЫХЪ ДАНСКИХЪ И ДѢТСКИХЪ ВЕРХНИХЪ ПЛАТЬЕВЪ

извѣстныхъ парижскихъ и другихъ торгов. домовъ, равно какъ собственнаго изготовленія фабрики моей въ Москвѣ, по послѣднимъ парижскимъ моделямъ и фасонамъ. При кажемъ извѣщаются закройщикъ и мастера для передѣлки. (№ 5900) 25-4

Желаютъ купить домъ, въ Полтавѣ, въ помѣстительный съ высокими и большими залами и гостиными и съ садомъ. За условіями просить обращаться писменно, въ Парижъ, RueAmrge, 30, г. Башкирцеву. (№ 5919) 3-1

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 18-го ноября 1882 года.
Обзорныя газеты и журналовъ.
Мѣстная хроника: Изъ городской жизни.
Телеграммы: Изъ Международнаго и Сѣвернаго телеграфныхъ агентствъ.

ЦЫГАНКА

НОВЕЛЛА МЕРИМЕ.

Глава III.

Я родился, началъ свой расказъ донъ Жозе, въ Элизондо, въ долигѣ Баэтона. Зовутъ меня донъ Жозе Лизарра-бенгоа, а вы настолько знаете Испанію, что по фамиліи легко угадаете мое баскское происхожденіе. Употребляя частичку „донъ“, я нѣмко на это право несилъ бы это было въ Элизондо, я показавъ бы вамъ пергаментъ съ моей генеалогіей. Родные хотѣли, чтобы я былъ духовникомъ и отдалъ меня въ семинарію. Но науки мало интересовали меня; я предпочиталъ мнѣ игру въ мячъ и она то губила меня. Въ шутку, однажды, я поспорилъ съ однимъ изъ участившихся. Споръ нашъ перешелъ въ драку и я избилъ своего противника до полусмерти. Вслѣдствіе этого мнѣ пришлось покинуть ту мѣстность. Дорогой я встрѣтилъ драгуну и поступилъ въ кавалерійскій полкъ Альманцо. Служба моя шла хорошо и я надеялся на скорое производство, какъ вдругъ, къ моему несчастію, меня командировали на службу при табачной фабрикѣ въ Севильѣ. Если вы были въ Севильѣ, то помните это огромное зданіе, возвышающееся за валами надъ Гвадалквивиромъ. Я и теперь еще вижу передъ собою высокія ворота фабричнаго двора и группу дежурящихъ возлѣ воротъ солдатъ. Испанскіе солдаты обыкновенно при исполненіи этихъ нетрудныхъ обязанностей лѣтъ льютъ илѣ спятъ. Я же, какъ истый сынъ Наварры, всегда избиралъ для себя какую нибудь работу. Однажды я сдѣлалъ за плетеньемъ цѣпочки изъ проволоки. Посылался звонкомъ и мои товарищи объявили мнѣ, что сейчасъ будутъ идти на работу дѣвухи. На фабрикѣ около пятисотъ женщинъ занимались приготовленіемъ сигаръ. Они работали въ большой залѣ, куда мужчинамъ входъ не дозволялся, такъ какъ многія работницы въ жаркое время были полураздѣты. Я еще тосковалъ тогда за своей родиной и меня эти женщины не интересовали. Я думалъ, что дѣвуха не можетъ быть красивой безъ годубой рубки и роскошныхъ курдюковъ, свободно спускающихся на плечи, какъ хотѣтъ дѣвухи баскскихъ провинцій. И кромѣ того, я боялся андалузійцевъ и не привыкъ къ ихъ всегда шумливому насмѣшливому тону. Погруженный въ свою работу, я услышалъ возгласъ.

Послѣднія извѣстія.
Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Суда и Павлоградскаго уѣзда.—Извѣстія другихъ газетъ: изъ Кіева, Николаева, Бердичева, Екатеринославъ, Одессы, съ Юго-Западныхъ жезельныхъ дорогъ, Херсона, Алашанъ, Керчи, Житомира, Путимельскаго уѣзда, Пиратина, Тифлиса и Баку.
Внѣшнія извѣстія.
Смѣсь.
Биржевая хроника и торговый отдѣлъ.
Наблюдатель.
Справочная свѣдѣнія.
Фельетонъ: Дыкани, Мериме, переводъ съ французскаго (продолженіе).
Стороннее сообщеніе.
Объявленія.

— Вотъ она, gitanilla!
Я поднялъ глаза и увидѣлъ ее. Это была Карменъ, которую вы видѣли всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. На ней была красная юбка, на столько короткая, что не закрывала бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ, обтянутыхъ стройными ногами въ маленькихъ краснаго сафьяна туфелькахъ. Она низко спустила мантилью, чтобы показать свои красивыя плечи. За рубашкой у нея былъ заложенъ букетъ изъ цвѣтѣвъ дикой смородины. Въ зубахъ она держала такой-же цвѣтокъ. Со всѣхъ сторонъ ей говорили фамильярные комплименты, расхваливая красоту формы и талии.
Сразу она мнѣ не понравилась и я снова углубился въ свою работу. Но можетъ быть потому, что я не обратилъ на нее вниманія, она подошла ко мнѣ и заговорила.
— Кумъ, начала она, по общему андалузцевъ, можетъ быть, ты подарилъ мнѣ свою цѣпочку; я буду носить на ней ключи отъ своей шкатулки.
Я холодно отвѣтилъ, что цѣпочка имѣетъ другое назначеніе.
— О, какой ты скромный воинъ, продолжала она насмѣшливымъ тономъ, плетешь цѣпочки... Можетъ быть, я могу заказать тебѣ слесни мнѣ кружево? Сдѣлай мнѣ пять аршинъ чернаго кружева для моей мантильи. И съ этими словами она вынула изо рта цвѣтокъ и бросила мнѣ въ лицо.
О, добрый господинъ, этотъ цвѣтокъ поразилъ меня, какъ пуля. Когда она вошла въ фабрику, я замѣтилъ брошенный ей цвѣтокъ у своихъ ногъ и, стараясь, чтобы кто-нибудь изъ товарищей не увидѣлъ, поднялъ и спряталъ его, т. е. сдѣлалъ первую глупость...

Прошло часа два, въ которые я думалъ о нашей встрѣчѣ, какъ вдругъ изъ фабрики приблизился посланный и захваченный объявилъ, что на фабрикѣ убили женщину. Нашъ командиръ отразилъ меня и позвѣ моему командиръ духъ солдатъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло.
Въ рабочей залѣ нѣсколько сотъ женщинъ ругались и кричали немовѣрно. Толпа ихъ окружала одну изъ работницъ, лежащую на полу съ облитымъ кровью лицомъ. Поодаль отъ этой группы, въ углу, пять женщинъ держали преступницу, которой оказалась Карменъ. Дѣвуха, повидимому, была спокойна, только глаза сверкали злобными огнемъ.
Раненая кричала далеко не какъ умирающая,

ХАРЬКОВЪ.

18-го ноября 1882 г.

Выдача политическихъ преступниковъ,—какая благодарная тема для публицистовъ всѣхъ либеральныхъ цѣтѣвъ и отгнѣковъ. Если гдѣ либо, то именно тутъ представляется такой удобный случай примѣнить знаменитое либеральное правило: laissez faire, laissez passer, распространиться о правахъ индивидуальности, о свободѣ убѣжденія, о глубокомъ и коренномъ различіи между правомъ частнымъ и публичнымъ, между преступленіемъ простымъ уголовнымъ и уголовно-политическимъ. Съ особеннымъ рвеніемъ развивала всѣ эти темы западно-европейская журналистика тамъ, гдѣ дѣло шло о Россіи, о подвигахъ русскихъ нигилистовъ и анархистовъ. Съ неслышаннымъ злорадствомъ относилась еще такъ недавно весьма значительная часть европейской прессы, и притомъ прессы не только радикальной и анархической, но и такъ называемой либеральной, къ возмутительнымъ и вопиющимъ подвигамъ сторонниковъ разрушенія, убійства и растлѣнія. Во всѣхъ этихъ безумныхъ проявленіяхъ горсти нагледцовъ, ни чѣмъ не связанныхъ съ народомъ русскимъ, прессы эта усматривала, прежде всего—съ какимы основаніемъ—это иной вопросъ, симптоны разложившейся столѣ ненавистнаго и страшнаго для нея русскаго колоса.

Но времена переменяются, могли бы сказать либеральные писатели, а вмѣстѣ съ ними измѣнились и мы. До тѣхъ поръ, пока подвиги анархистовъ ограничивались предѣлами одной варварской Россіи, пока они не грозили карманамъ и жизни либеральныхъ буржуа, до тѣхъ поръ ко всѣмъ этимъ подвигамъ можно было относиться лишь съ сочувствіемъ. Въ злодѣяніяхъ нигилистовъ можно было усматривать даже своего рода протестъ противъ деспотизма, царящаго, по мнѣнію западной журналистики, въ Россіи; можно было даже утверждать, что ни что подобное немалюмо напр. во Франціи при господствѣ республиканскаго режима. Недостата въ предостереженіяхъ, правда, не было. Благоразумные и трезвые люди, не поддавшіеся обаянію либеральной фразы, указывали неоднократно и настойчиво на тѣсную связь анархизма всей Европы, на международный характеръ преступленій, совершающихся въ Россіи, на вѣроятность подобныхъ же явленій въ другихъ государствахъ, на совершенную независимость социалистическихъ движеній отъ той или иной формы правленія. Все напрасно! Либеральные фразеры стояли упорно на своемъ, и даже страшное злодѣяніе 1-го марта не подѣлывало на нихъ огревливающимъ образомъ. Что же, рассуждали они въ душѣ, въѣдъ и это новое злодѣяніе могло совершиться лишь въ Россіи, а слѣдовательно и т. д.

Мы живо помнимъ ту тревожную пору, когда вся Россія ожидала, какое вліяніе произведетъ призывъ ея правительства къ европейскимъ государствамъ по вопросу объ общихъ мѣрахъ противъ анархизма. Мы помнимъ, какими потоками краснорѣчія разразились тогда уфѣренно-либеральныя органы европейской печати, съ какимы негодованіемъ набросались они тогда на Россію и на князя Бисмарка, отнесшагося сочувственно къ ея предложенію, съ какимы запасомъ учености и авторитетовъ старались доказать они всѣмъ и каждому глубокое и принципиальное различіе между преступниками политическими, хотя бы они и были убійцы, и обыкновенными преступниками уголовными. Либеральный шумъ сдѣлалъ и на этотъ разъ свое дѣло. Предложеніе русскаго правительства не нашло себѣ общей поддержки, мнѣніе

хотя, призвая священника, утѣрила, что она уже умерла.

Я спросилъ, въ чемъ дѣло. Рассказывать начали всѣ вмѣстѣ и я съ трудомъ разбиралъ, что Карменъ первая начала ссору, а потомъ, будучи оскорблена раненой женщиной, бросилась на нее съ ножомъ, которымъ обрѣзали концы сигаръ и варѣла ей липо.

Дѣло было ясно. Я взялъ за руку Карменъ и вѣжливо просилъ ее слѣдовать за мной. Она посмотрѣла на меня такъ, какъ будто увидѣла своего знакомаго. Потомъ, закутавшись мантилей, сказала: „пойдемъ“—и съ смиреннымъ видомъ овечки покорно вышла съ нами изъ фабрики. По слухамъ съ нея предварительнаго допроса, мнѣ поручили препроводить ее въ тюрьму. Я взялъ съ собой двухъ драгунъ. Они шли по бокамъ, а я позадѣ арестованной. Она молчала всею дорогу и только, когда мы вошли въ городъ въ улицу Ужа—эту длинную, узкую улицу съ безчисленнымъ множествомъ переулковъ и крутыхъ изгибовъ, которая вполне заслуживаетъ своего названія, она раскрыла лицо и, поворачиваясь ко мнѣ, спросила.

— Добрый офицеръ, куда меня ведутъ?
— Въ тюрьму, дѣла мое,—отвѣтилъ я, заскоровавшись, насколько это должно было сдѣлать солдатъ, сопровождающій арестанта-женщину.
— О, мой Боже! Что будетъ со мной? Скажешь, господи офицеръ... Въ такой молодой, такой красавицѣ!.. Я вѣкъ—бравшаяся она, по низкому голосу—дѣмъ кусокъ баръ laché и всѣ женщины будутъ любить васъ.

Bar laché—это магнитъ, съ помощью котораго, какъ утѣряютъ цыгане, можно сдѣлать много интереснаго. Такъ, напримеръ, если вы бросите нѣсколько крупинокъ этого магнита въ стаканъ блага вина и дадите его выпить женщинамъ—она будетъ ваша.

— Я здѣсь не для того, чтобы слушать глупости—отвѣтилъ я серьезно. Нужно идти въ тюрьму. Я получаю такое приказаніе.

Мы, баскскіе, никогда не научились говорить по испански такъ, чтобы не выдать своего роднаго акцента. Карменъ, очевидно, узнала о моемъ происхожденіи и заговорила на родномъ языкѣ.

— Laguna ebe bihatsarena, товарищ моего сердца, ты также родомъ изъ провинціи?
Нашъ языкъ такъ прекрасенъ, что на чужбѣ

князя Бисмарка осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь. Этого мало. Французское правительство пришло на дѣлѣ либеральную теорію объ особомъ характерѣ политическихъ убійствъ, о священности и неприкосновенности ихъ личности. Гартманъ, минировавшій желѣзную дорогу подъ Москвою, посягавшій въ одно и тоже время и на жизнь главы русскаго государства, и на жизнь сотенъ и въ чемъ неповинныхъ людей, не былъ выданъ русскому правительству, а препровожденъ лишь за предѣлы Франціи, т. е., другими словами, выпущенъ на волю и гарантированъ отъ всякихъ преслѣдованій.

Съ тѣхъ поръ, прошло очень мало времени, а между тѣмъ положеніе дѣлъ измѣнилось такимъ радикальнымъ образомъ, что либераламъ, а прежде всего французскимъ, приходится отгаться отъ своихъ собственныхъ ученій. Дѣятельность анархистовъ не ограничивается уже предѣлами одной Россіи, ее главный центръ переносится даже на священную почву Франціи. Республиканскій режимъ оказывается такимъ же плохимъ превративомъ отъ вигластической язви, какъ и абсолютная монархія. По всей Франціи раскидываются прокламаціи и подметныя письма тревожатъ ежесекундно общественное спокойствіе; страшныя покушенія, совершаемыя при помощи динамита, слѣдуютъ одно за другимъ. И что всего хуже—злѣды посягаютъ на этотъ разъ не противъ однихъ только представителей власти и агентствъ правительства. Нѣтъ, они объявляютъ войну всему обществу, они пытаются истребить съ лица земли все то, что не принадлежитъ къ пролетариату, что достигло тѣмъ или другимъ путемъ болѣе значительной степени экономическаго благосостоянія.

Да это другое дѣло!—думаютъ про себя либеральные доктринеры. То, что естественно и доволительно въ Россіи, не должно имѣть мѣста въ цивилизованныхъ странахъ Запада. Къ чорту привалегіи политическихъ злодѣевъ, когда эти привалегіи обращаются противъ насъ самихъ, когда они бьются такъ чувствительно по нашему карману, когда они грозятъ такъ страшно нашей драгоцѣнной жизни. Надо пересмотрѣть законы о выдачѣ политическихъ преступниковъ, необходимо принять общія мѣры противъ международныхъ злодѣевъ.

Представители европейской науки, надобно отдать имъ въ этомъ честь, давно уже пришли къ убѣжденію, что политическій убійца ни чѣмъ не отличается въ сущности отъ убійцы обыкновеннаго, что люди, посягающіе на жизнь правителя государства и другихъ лицъ съ дѣло политическое, никомъ образомъ не могутъ быть поставлены на одну доску съ людьми страдающими за свои убѣжденія, или съ вооруженными инсургентами. Эта новая точка зрѣнія нашла себѣ выраженіе въ бельгійскомъ законодательствѣ еще въ 1856 г., правда, вслѣдствіе сильнаго давленія со стороны наполеоновской Франціи.

Примѣръ Бельгіи долгое время не находилъ послѣдователей. Только въ 1877 году англійское правительство назначило особую комиссію для разсмотрѣнія вопроса, могутъ ли пользоваться правомъ убійства политическіе преступники даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они совершили заурядное уголовное преступленіе. Въ составъ комиссіи вошла выдающаяся государственная личность и юристъ Англіи. Въ числѣ ихъ мы отмѣчаемъ лорда Кокбура, лорда Сельборна, Сера Джона Роза, Фитц-Джеймса-Стефана, Вильяма Гаркура и другихъ. Комиссія единогласно усвоила себѣ принципъ бельгійскаго закона 28 марта 1856 г. Свое рѣшеніе

нѣдовольно будить въ насъ симпатіи къ чело-вѣку, который говоритъ на немъ.

— Да, я изъ Элизондо—отвѣтилъ я, подкупленный звукомъ словъ моей родины.

— А я изъ Эчелю. Цыгане увели меня въ Севилью и я работала на фабрикѣ, чтобы добыть средства вернуться въ Наварру, гдѣ у меня есть мать, добрая женщина, которая имѣетъ маленькій „barrateca“ (садъ) съ нѣсколькими десятками яблонъ. Ахъ, если бы я была тамъ, у насъ, на нашей дорогой родинѣ! Здѣсь презираютъ меня за то, что я родилась не въ этой отвратительной странѣ, странѣ торгашей и пилыжъ алельсинъ... Эти ящія напали на меня за то, что я сказала имъ, что одинъ нашъ парень со своимъ „maquila“ *) не испугается десятка ихъ „jacques“ **) изъ Севильи, вооруженныхъ ножами. Мой другъ, ты не откажешь помощи своей бѣдной землячкѣ...

Она солгала, ибо глала всегда. Не знаю, сказала ли эта дѣвуха хоть разъ въ своей жизни правду. Но тогда я вѣрилъ ей. Я находился въ какомъ то чадѣ и сказалъ ей, что если бы какой-нибудь испанецъ оскорбилъ мою родину, я можетъ быть также избралъ ему лицо, какъ это сдѣлала она. Очевидно, я говорилъ глупости, а слѣдовательно было близокъ къ тому, чтобы сдѣлать глупость.

— Если бы я толкнула тебя, мой землякъ,—заговорила она опять по баскскіи—ты могъ бы унасть, а слѣдовательно было близокъ къ тому, чтобы сдѣлать глупость.

— Попробуй, да поможетъ тебѣ дѣва Марія!—отвѣтилъ я.

Въ это время мы проходили мимо криваго и очень узкаго переулка.

Карменъ быстро повернулась, толкнула меня въ грудь... Я свалился, разумѣется, не отъ ея толчка. Въ одно мгновеніе она, перескочивъ черезъ меня, поехала въ переулкѣ. Бросившись за ней, я загорѣлся своей пикой прохлѣвъ въ переулокъ и такимъ образомъ задержалъ на нѣсколько секундъ солдатъ. Потомъ мы всѣ трое долго бѣжали по улицѣ, но разумѣется не нашии ногамъ. Распашиваемые прохожіе смѣялись

она мотивировала такимъ образомъ: „междоусобная война и восстаніе провозглашено открыто, такъ сказать, при дневномъ свѣтѣ; они могутъ быть оправдываемы и извиняемы теченіемъ событій. Но убійство и всякое иное возмутительное преступленіе (revolting crime), нисколько не теряетъ своего дурнаго значенія посредствомъ связи съ политической дѣлью“.

Вопросъ о политическихъ преступникахъ подвергнется всестороннему обсужденію въ брюссельскихъ и оксфордскихъ собраніяхъ института международного права. (Institut de droit international). Институтъ пришелъ, почти что единогласно, къ слѣдующимъ резолюціямъ: 1) Лица, совершившія дѣйствія, носящія на себѣ всѣ признаки обычныхъ уголовныхъ преступленій (убійство, похищеніе, воровство), не могутъ быть освобождены отъ выдачи на томъ основаніи, что они руководились политическими мотивами. 2) При обсужденіи преступковъ, совершенныхъ во время мятежа или гражданской войны, не подлежитъ прежде всего опредѣленію, извиняются ли такіе поступки общепринятыми обычаями войны, или нѣтъ. 3) Во всякомъ случаѣ выдача за преступленіе, носящее на себѣ одновременно и политическій и уголовный характеръ, можетъ быть произведена лишь въ томъ случаѣ, если государство, требующее выдачи, дастъ гарантію въ томъ, что выданный не будетъ преданъ суду исключительнаго, чрезвычайнаго трибунала.

Таково было мнѣніе представителей европейской науки еще въ 1879 г., за годъ до преступленія 1-го марта, но даже и послѣ этого преступленія оно не сдѣлалось мнѣніемъ всеобщимъ, не было принято европейскими государствами. Потребовались новыя страшныя злодѣянія анархистовъ, и злодѣянія, совершенныя не въ Россіи, а во Франціи, чтобы открыть, наконецъ, глаза вожакамъ либеральнаго общественнаго мнѣнія. Теперь и эти господа приняли наконецъ къ убѣжденію, что преступники, дѣйствующіе динамитомъ, подвергающіе самой ужасной смерти сотни невинныхъ людей, должны быть объявлены врагами всего человечества, что ихъ должна постигать кара болѣе тяжелая, нежели, напримеръ, морскихъ пиратовъ. Въ общемъ хорѣ негодованія и осужденія политическихъ злодѣевъ замѣчается лишь одно разногласіе: слѣдуетъ ли—въ этотъ вопросъ, на который обращено въ настоящее время особое вниманіе—выдавать политическихъ преступниковъ, или же подвергать ихъ суду, на основаніи обычнаго уголовного права, въ томъ государствѣ, гдѣ искали они себѣ убійщю? Но это вопросъ очевидно второстепенный, особенно въ томъ случаѣ, если бы политическимъ злодѣямъ начнутъ приписывать повсемѣстно одну и ту же мѣру законнаго возмездія.

ОБОЗРѢНІЕ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

На дняхъ мы цитировали статью „Голоса“, въ которой доказывалось, что наша революціонная „партія“ лишалась всякаго значенія, что у нея нѣтъ въ настоящее время никакой силы, что страшныя, кровавыя событія, совершавшіяся съ 1878 по 1881 г., не могутъ повториться. Мы зажали по этому поводу, что такой взглядъ изымается ничѣмъ не оправдаваемымъ оптимизмомъ, что террористы не считаютъ своего дѣла пропаганднымъ; что временное затиханіе въ области политическихъ убійствъ и динамитныхъ взрывовъ ничто не доказываетъ; что террористы попрежнему опасны фанатизмомъ, доходящимъ до изувѣрства, готовностью пользоваться всякими средствами, особенно же опасны обиліемъ „слабыхъ умовъ“, которые такъ легко вербуются пропагандой...

надъ нами, вмѣсто того, чтобы сообщить какинибудь свѣдѣнія о близнякъ.

Пришлося вернуться обратно къ себѣ. Мои спутники, чтобы избѣжать наказанія, объявили, что я переговаривался съ арестованной на непонятномъ для нихъ языкѣ. Кромѣ этого мое паденіе показало, и очень естественно, подозрительнымъ, а смущенный видъ окончательно выдалъ меня и вмѣсто ожидаемаго приговора я попалъ въ тюрьму.

Не смотря на все мое озлобленіе противъ цыганки, изъ-за которой у меня пропало все то время, которое я прослужилъ солдатомъ даромъ и теперь мнѣ придется служить въ низшихъ чинахъ гораздо болѣе, чѣмъ если бы я началъ свою службу снова, не смотря на то, что мнѣ оставалось всего нѣсколько дней до новаго чина, да, не смотря на все это, я не могъ не думать о ней и въ моемъ воображеніи рисовалась ея красивая, стройная талия, ея маленькая ножка, ея глаза... О, эти глаза! Если только действительно существуютъ волшебницы, то эта дѣвуха была одной изъ нихъ.

Уныло выглядывать изъ окна тюрьмы и между проходящими женщинами не видѣть ни одной такой красавицы, какъ Карменъ.

Однажды неожиданно ко мнѣ въ камеру вошелъ смотритель тюрьмы и подалъ мнѣ небольшой хлѣбъ, сообщивъ, что это принесла для перерачи мнѣ моя кузина. Можетъ быть, это ошибка, подумалъ я, но запахъ свѣжаго хлѣба такъ пріятно щекоталъ мое обонаніе, что я рѣшился взять, это, можетъ быть, предназначавшееся не для меня, приношеніе. Разрѣзавъ хлѣбъ ножомъ, я почувствовалъ, что ножъ остановился, встрѣтивъ какое то сопротивленіе. Смотрю и вижу маленькій англійскій напильникъ и золотую монету въ два шестера.

Теперь не было сомнѣнія, что хлѣбъ предназначался мнѣ и былъ присланъ Карменъ. Для людей ея племеніи нѣтъ ничего дороже свободы. Цыганъ готовъ пожертвовать цѣлымъ городомъ, чтобы днѣмъ раньше освободиться изъ заключенія.

Дѣвуха была очень сообразительна. Съ этимъ хлѣбомъ въ рукахъ я могъ сбиться надъ всѣми своими сторожами и желѣзными рѣшетками тюрьмы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Maquila—палка, окованная желѣзомъ.

**) Jacques—фатъ.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 18 ноября 1882 г.